

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ПРАВО

Лидерство Китая в Восточной Азии: путь к региональной интеграции

В. И. БАЛАКИН

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

Китайский фактор постепенно начинает оказывать все более сильное воздействие на жизнедеятельность международного сообщества. С началом XXI в. впервые в своей истории Китай стал играть роль некоего стабилизатора и даже мощного системного интегратора для всей восточноазиатской региональной хозяйственной системы.

Несмотря на серьезные перипетии Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг., КНР полностью сохранила свою инвестиционную привлекательность и заявила серьезные претензии на роль регионального лидера. Именно в рамках данного процесса Восточная Азия медленно, но уверенно начала продвигаться по пути все более глубокой экономической интеграции. Такой геополитический подход китайского государства, безусловно, способствовал заметному укреплению доверия между экономическими субъектами как на внутреннем китайском рынке, так и в сфере международной торговли. Это позволило КНР взять на себя особую роль на региональном уровне, а именно осуществление эффективного системного контроля над одним из самых перспективно развивающихся регионов современного мира. Сегодня на повестку дня уже поставлен вопрос об учреждении официального независимого органа по тотальному контролю за финансовой ситуацией на восточноазиатском рынке.

Экспертами также отмечается демонстрируемое со стороны Китая откровенное нежелание упускать из-под своего пристального внимания и процесс восточноазиатской региональной интеграции в целом. КНР очень беспокоит стремление японского правительства восстановить военную мощь собственного государства. В своем неприятии лидирующей роли Японии в интеграционных процессах Восточной Азии Китай постоянно исходит из национальной перспективной оценки принципов региональной безопасности и становления будущей системы глобальных политических институтов. Соперничество нескольких интеграционных форматов дает отчетливое понимание того, что победа в борьбе за региональное лидерство может принести победителю не только моральное удовлетворение, но и окончательно определит соответствующий геополитический сюжет дальнейшего развития важнейших событий, но уже на глобальном уровне.

Ключевые слова: Китай, восточноазиатская экономика, азиатский финансовый кризис, США, Япония, региональная интеграция, Азиатско-Тихоокеанский регион.

Анализ такого весьма заметного явления современного миропорядка, как интенсивная интеграция Китайской Народной Республики в нарастающие процессы экономической глобализации, показывает, что китайский фактор начинает оказывать все более сильное воздействие на жизнедеятельность международного сообщества. Заметно усилившаяся в XX столетии интернационализация сложной исследовательской и высокотехнологичной

производственной деятельности, последовательное расширение на региональном уровне межгосударственного экономического взаимодействия, исключительно тесное сотрудничество в сфере финансов приобретают поистине всеобъемлющий характер. Степень зависимости между странами стала столь очевидной, а интеграция в мировую и региональную, хозяйственную жизнь столь глубокой, что любое даже самое незначительное изменение политической ситуации в одних государствах вызывает цепную реакцию во многих других. Серьезный финансовый кризис в Восточной Азии 1997–1998 гг., охвативший сначала экономики Южной Кореи, Таиланда и Индонезии, привел затем к серьезным осложнениям во всей мировой банковской системе. Китай также ощутил на себе последствия данного кризиса, но сумел выстоять под его ударами и, более того, ощутимо помочь странам Восточной Азии преодолеть намечавшийся стремительный спад в их экономиках.

Впервые в своей истории Китай сыграл роль некоего стабилизатора и даже мощного системного интегратора для всей восточноазиатской региональной хозяйственной системы. Отказавшись девальвировать юань и потеряв на этом, по некоторым оценкам, около 50 млрд долл., КНР сделала тогда, пожалуй, одну из своих самых знаковых заявок на лидерство в регионе Восточной Азии (Atal, 2003: 15). Примечательно, что для поддержания курса региональных валют Китай использовал собственные национальные резервы, огромная величина которых традиционно всегда превышала внешний долг государства. Высокая норма внутренних накоплений представляет собой один из главных основополагающих принципов внутренней экономической политики КНР. Китайское правительство при разработке национальных программ хозяйственного развития никогда не забывает о том, что в любой момент могут сложиться форс-мажорные обстоятельства и к таким ситуациям надо быть постоянно и полностью готовым (Титаренко, 2003: 168).

Несмотря на серьезные перипетии Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг., Китай полностью сохранил свою инвестиционную привлекательность, прежде всего за счет взвешенной правительственной политики, направленной на поддержку и стимулирование капиталовложений из-за рубежа. Во многом названная политика была обеспечена путем принятия, а главное — реализации профессионально подготовленных законов, обеспечивших стране благоприятный инвестиционный климат, опирающийся на целевое льготное налогообложение, гарантированную экономическую стабильность, а также оптимальное использование вложенных финансовых средств. Такой подход государства, безусловно, способствовал заметному укреплению доверия между экономическими субъектами как на внутреннем китайском рынке, так и в сфере международной торговли, что позволило КНР взять на себя совершенно особую роль на региональном уровне, а именно осуществление системного контроля над одной из мощнейших трансконтинентальных банковских корпораций, включающих неформальную этническую кооперацию финансовых учреждений Сянгана, Тайваня и Сингапура, опирающуюся на поддержку китайской диаспоры, разбросанной по всему миру и обладающей сильными экономическими и финансовыми позициями, особенно в Восточноазиатском регионе (Wu, 2000: 17). Сегодня общепризнано, что китайская цивилизация обладает огромным потенциалом самообновления и саморазвития, поистине уникальной способностью адаптировать чужой опыт и адаптироваться к новым условиям хозяйственного развития, а в сочетании со стремлением к лидерству это предоставляет КНР реальный шанс глубже интегрироваться в региональное международное сообщество и, возможно, стать своеобразным системным интегратором на просторах восточноазиатского общего рынка.

По оценкам ведущих западных экспертов, Восточная Азия медленно, но уверенно продвигается по пути все более глубокой экономической интеграции (Gordon, 2006: 149). Восточноазиатские интеграционные процессы прежде всего включают в себя становление

устойчивых «производственных цепочек», которые повсеместно выстраиваются транснациональными корпорациями (ТНК) на огромной территории, охватывающей все ведущие азиатские центры роста, такие как Китай, Япония, Республика Корея, АСЕАН. Правительства стран региона, осознав позитивный характер названного процесса, постепенно пытаются консолидировать совместные усилия посредством заключения максимально формализованных соглашений, ориентированных на углубление экономического взаимодействия, ведущего к формированию Восточноазиатского экономического сообщества. В отличие от европейской интеграционной модели в Азии все начиналось с попыток наладить межправительственное сотрудничество в сфере финансов на более или менее отдаленную перспективу. Названные попытки были вынужденными в силу накрывшей азиатские государства сильнейшей кризисной волны 1997–1998 гг., когда наступило повсеместное бегство из-под избыточного влияния таких проамериканских институтов, как Международный валютный фонд, Мировой банк и даже Федеральная резервная система США.

Азиатские страны построили, по сути дела, независимую от Запада систему экстренной финансовой взаимопомощи, вошедшую в историю под названием Чанмайская инициатива (Chang Mai Initiative) (Wu, 2006: 71). Фактически создание данной системы было продиктовано стремлением избежать внешнего давления со стороны постиндустриальных держав во время будущих кризисов. Одним из самых важных шагов на этом пути можно назвать учреждение так называемого Азиатского валютного фонда (Asian Monetary Fund), который в реальности обеспечил тому же восточноазиатскому сообществу некую альтернативу прозападному МВФ. Азиатский валютный фонд, несмотря на свой неофициальный статус, удвоил резервы с 70 млрд долл. в 1998 г. до 140 млрд долл. в 2007 г. Однако сегодня на повестку дня уже поставлен вопрос об учреждении официального независимого органа по контролю за финансовой ситуацией на азиатском рынке.

Обсуждение проблемы учреждения Азиатского валютного фонда не прекращается последние 10 лет. Все это время более половины государств Восточной Азии реализовывали двусторонние программы поддержания финансовой стабильности посредством заключения и реализации специальных соглашений, гарантирующих последовательное расширение и дальнейшую устойчивость международных инвестиционных программ. Названные программы действуют как в формате зоны свободной торговли для стран Северо-Восточной Азии с участием Китая, Республики Корея и Японии, так и в рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Последняя интеграционная модель также известна под названием «АСЕАН+3» и включает в себя 10 стран Юго-Восточной Азии, а также КНР, Южную Корею и Японию.

В данной связи обращает на себя внимание нарастающая активность японского правительства, стремящегося сформировать собственную подконтрольную интеграционную группу «10+6» в составе таких стран, как государства АСЕАН, Япония, КНР, Республика Корея, Австралия, Индия и Новая Зеландия. Однако подобная инициатива Токио была встречена достаточно прохладно, о чем свидетельствовало практически немедленное и весьма жесткое совместное заявление высокопоставленных представителей Китая, Республики Корея и АСЕАН. В заявлении было подчеркнуто, что интеграционная модель «10+3» остается в обозримой перспективе наиболее предпочтительной, поскольку реально отвечает главной долгосрочной идее — созданию устойчивого Восточноазиатского экономического сообщества (Frost, 2007: 35).

В данной связи необходимо отметить демонстрируемое со стороны Китая и Республики Корея откровенное нежелание упускать из-под своего контроля процесс восточноазиатской региональной интеграции в целом. Интеграционные схемы, предлагаемые Японией, представляются Пекину и Сеулу абсолютно оторванными от реальной действительности

и теоретически нацеленными на банальное повторение не во всем удачного опыта Европы после Второй мировой войны. Но практическое использование названного опыта вряд ли возможно в условиях XXI в., тем более в Азии, где события 70-летней давности развивались отнюдь не по европейскому сценарию. Даже сегодня в Китае и обеих Кореях не ослабевает стремление ряда общественных организаций добиться от Японии согласия на компенсационные выплаты семьям, пострадавшим от японской оккупации. В случае начала официальных переговоров по данному вопросу интеграционные процессы в Восточной Азии могут со всей очевидностью продолжиться на совершенно иной и даже достаточно жесткой анти-японской основе (Fukushima, 2006: 62).

Помимо существенно негативного исторического фона, тему восточноазиатской интеграции способна испортить и нынешняя абсолютная рассогласованность стран — участниц данного процесса по вопросам необходимой межстрановой координации на зарубежных валютных и торговых рынках. Предложение Китая сформировать Азиатскую прогностическую группу (Asia Vision Group) постоянно наталкивается на активное противодействие возникновению любого сколько-нибудь зрелого плана учреждения Восточноазиатского экономического сообщества со стороны правительства Японии. Но КНР уже фактически присвоила себе центральную роль в деле восточноазиатской интеграции и в названном контексте вряд ли пойдет на серьезные уступки Японии (Antkiewicz, Whalley, 2004: 29). Тем более что в данном вопросе Китай находит понимание и поддержку со стороны США. Еще в 1998 г. американская администрация президента Клинтона реально забаллотировала изначальный японский проект создания Азиатского валютного фонда, предусматривавший фактическое становление Японии в качестве единственного финансового лидера Восточной Азии.

Именно тогда, ради достижения целей лидерства в регионе, КНР приступила к развитию всего комплекса своих отношений с АСЕАН, рассчитывая подписать в перспективе генеральное соглашение о свободе торговли. Китайский интеграционный проект для Восточной Азии предполагал включение Японии в качестве равного партнера в интеграционную модель по известной формуле «10+3». Названная китайская инициатива вызывала лишь раздражение у японской стороны, выражавшееся в активном продвижении новой расширенной формулы тихоокеанской интеграции в формате «10+6», включающем Индию, Австралию и Новую Зеландию. Таким образом, Япония явно стремилась нейтрализовать Китай, ограничить потенциал его влияния на страны Юго-Восточной Азии (Scollay, Gilbert, 2001: 63).

Сходную проблему ограничения влияния КНР в регионе вынуждены были осмысливать и в Соединенных Штатах Америки. Скорее всего, в Вашингтоне ясно понимали, что Япония вряд ли способна играть роль регионального лидера, более того, вообще может не сохраниться в качестве великой державы на обозримый период. Ощущения американских экспертов того времени сегодня реально подтверждаются в тех возникших трудностях кризиса, которые переживает сегодня японская государственность. Среди этих трудностей главной является так называемая проблема «воссоздания нормального государства в Японии» (Heping, 2002: 68). С точки зрения японского правительства, страна не сможет противостоять постоянно растущей мощи Китая без реструктуризации сложившейся в послевоенные годы государственной машины. Еще больше тревожит Токио возможность реального формирования в обозримой перспективе китайско-американского экономического, а значит, и тесно политического взаимодействия, особенно в отношении восточноазиатской интеграции.

Японский вариант интеграционной модели для Восточной Азии предусматривает в перспективе главный организационный принцип формирования так называемой общерегиональной зоны свободной торговли (Lincoln, 2004: 19). Именно в рамках экономического взаимодействия на региональном уровне Токио предполагает решать вопросы комплексной политической безопасности. Однако названную проблему японское правительство видит

прежде всего в том, чтобы принципиально изменить содержание японо-американского договора безопасности. Неодолимое стремление превратить Японию в «нормальное государство» объективно стимулирует Токио начать процесс постепенного дистанцирования от основных военных доктрин США на Дальнем Востоке и объяснять это миру интересами собственной национальной безопасности. В Вашингтоне подобные японские «инициативы» рассматривают пока не иначе как издержками послевоенного комплекса ущемленности, нуждающегося в некоем выходе на самом элементарном уровне.

Тем не менее США не могут уже игнорировать явный рост патриотического национального самосознания в Японии и вынуждены серьезно готовиться к вызревающим изменениям в региональной политике практически всех государств Восточной Азии. Любая смена американской администрации неизбежно приводит к серьезной переоценке способности Вашингтона консолидировать процесс восточноазиатской экономической интеграции. Вряд ли это пройдет бесконфликтно, особенно в рамках сегодняшних непростых взаимоотношений между Китаем, США и Японией. Еще в 1997 г. японское правительство столкнулось с весьма жесткой оппозицией своему варианту идеи Азиатского валютного фонда, поскольку это было время разгара финансового кризиса, когда американская администрация опасалась конкуренции, которую мог бы создать Международному валютному фонду управляемый японцами Азиатский валютный фонд. Как ни странно, в данном вопросе Соединенные Штаты Америки нашли полную поддержку со стороны Китая, также опасавшегося любой позитивной идеи со стороны Японии, особенно если данная идея способствовала бы повышению японской региональной лидирующей роли (Такака, 2006).

В своем неприятии лидирующей роли Японии в интеграционных процессах Восточной Азии Китай постоянно исходит из собственной перспективной оценки принципов становления будущей системы глобальных финансовых институтов. Сегодня КНР уже переросла в своем экономическом развитии региональные рамки и стремится установить в Восточной Азии такие правила игры, которые бы стимулировали данный регион мира к достижению лидирующих позиций в глобальных масштабах. В этом своем стремлении Китай находит явную, но мало афишируемую поддержку со стороны США, которые весьма настороженно относятся к японским планам «сколотить» восточноазиатский блок, вполне способный в обозримой перспективе превратиться в один из международных институтов, противодействующих сохранению остатков американского влияния в Азии. Наглядный действующий пример Шанхайской организации сотрудничества весьма беспокоит вновь переизбранную администрацию США. В этом смысле Китай оказывается для американских национальных интересов в Восточноазиатском регионе более приемлемым, поскольку его интеграционная модель на нынешнем этапе преследует исключительно экономические цели, по многим основным параметрам объективно совпадающие с целями долгосрочной американской политики на азиатском направлении (Sheng, 2007).

Трудно не согласиться с мнением некоторых международных экспертов, не исключающих возникновения в Азии наднациональной военно-политической структуры по типу НАТО, которая возьмет на себя роль системного интегратора принципов обеспечения комплексной системы региональной безопасности. Никто также не сомневается, что, как всегда, со стороны США будет сделана попытка возглавить названный процесс в первую очередь из-за опасений выхода ситуации из-под контроля в виде «внутриазиатского политического обособления», подразумевающего формирование «без американской» сети соглашений о свободной торговле как в двустороннем, так и в общеазиатском варианте. В 2008 г. американцы подписали такое соглашение с Сингапуром, в котором попытались ограничить политико-экономический потенциал Китая и начало распространения китайского влияния на государства Юго-Восточной Азии. По оценкам международных специали-

тов, здесь сразу была заложена основа для будущего конфликта между КНР и США, который потенциально мог спровоцировать серьезную нестабильность в рамках АСЕАН (Lardy, 2006: 14). Суть же потенциального китайско-американского конфликта состоит прежде всего в стремлении Вашингтона внедрить так называемый золотой стандарт в любое соглашение о свободной торговле с восточноазиатскими странами; золотой стандарт — это не что иное, как исключительно американское видение процесса комплексной региональной интеграции в АТР, отличающееся жесткой и даже агрессивной концепцией стимулирования экспорта и инвестиций из США.

В данной связи в КНР часто вспоминают мощную атаку на китайскую интеграционную модель «АСЕАН+1», предпринятую в конце 2006 г. президентом США Дж. Бушем, когда он на саммите АТЭС в Ханое фактически «пригрозил» странам АСЕАН хорошо подумать относительно ограничения интеграционных процессов исключительно Восточной Азией и в качестве альтернативы предложил рассмотреть план создания единой зоны свободной торговли на просторах Азиатско-Тихоокеанского региона с самым активным американским участием (Chu, 2006: 4). Тогда председатель КНР Ху Цзиньтао подписал все основные документы саммита АТЭС, уклонившись от прямой конфронтации с Соединенными Штатами Америки. Однако уже в 2007 г. на встрече лидеров АТЭС в Сиднее высший китайский руководитель представил вниманию американского президента весьма обширный список уточняющих вопросов по поводу идеи азиатско-тихоокеанской интеграции, во многом превратив инициативу США в некий «проект весьма отдаленного будущего» (Suzuki, 2007: 14). В результате громкая инициатива президента Дж. Буша не только впоследствии не получила никакого развития, но и стала старательно замалчиваться, а вскоре вообще полностью исчезла из международной повестки дня. Специалисты по проблеме экономической интеграции в Восточной Азии оценили это как отчетливый сигнал становления нового соотношения сил в отношениях между КНР и США с явным тактическим перевесом в пользу Пекина.

Возражения Китая против американской инициативы расширить зону свободной торговли от восточноазиатского формата до рамок всего Азиатско-Тихоокеанского региона имеют под собой абсолютно ясные причины, суть которых вполне вписывается в долгосрочную стратегию правительства КНР, в целом направленную на последовательное выдавливание Запада из Юго-Восточной Азии (Qing, 2006). Постепенное ухудшение конъюнктуры на американском и европейском рынках вынуждает Китайскую Народную Республику все более тщательно готовиться к «тяжелым временам» и прямо противодействовать импорту системного кризиса из США и Евросоюза в Восточную Азию. Финансовый кризис 1997–1998 гг. наглядно прояснил для Китая одну простую истину — в период международных экономических пертурбаций выигрывает тот, у кого занятость сохраняется прежде всего в производительном секторе и мало зависит от операций на валютном рынке (Joint Report ... , 2006). Доллар США как резервная валюта в АТР к 2008 г. постепенно уступил позиции китайскому юаню. Даже Тайвань, всегда отличавшийся ортодоксальной преданностью американской валюте, в операциях на внутреннем китайском рынке все более стал ориентироваться на собственные резервы валюты КНР, используя ее при случае даже в повседневных расчетах с Сингапуром, Сянганом и Аомынем.

Как представляется, в Большом Китае сделали окончательный вывод о принципиальной невозможности дальнейшего финансового доминирования США на восточноазиатском рынке (Trueman, 2006: 41). Пересмотр финансовых взаимоотношений с американской администрацией был обозначен в качестве цели на 2010 г. в ряде документов правительства КНР. В целом в перспективе это видится Пекину скорее как политический, нежели экономический прогресс, развивающийся по своей собственной внутренней логике. Соединенным Штатам Америки все труднее бороться за сохранение своих некогда доминирующих позиций на ази-

атском континенте, и в данной связи Вашингтон вольно или невольно вынужден приспосабливаться к новой ситуации и пытаться сделать выбор в пользу того или иного партнера по обеспечению региональной безопасности — и не только в Азии, но и во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе. Следует подчеркнуть, что в данном вопросе позиция США никогда не встречала понимания у правительства Японии, явно ориентирующегося исключительно на восточноазиатский вариант экономической интеграции, во всяком случае, на начальной стадии данного процесса, а это, в свою очередь, значительно ближе к точке зрения Китая на то, как должны развиваться в XXI в. региональные интеграционные процессы в Восточной Азии (Robertson, 2005: 20).

Соперничество в продвижении двух интеграционных формул «10+3» (АСЕАН + Китай, Япония, Республика Корея) и «10+6» (АСЕАН + Китай, Япония, Республика Корея, Индия, Австралия, Новая Зеландия) фактически свидетельствует о стремлении Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов Америки навязать собственный вариант лидерства при формировании региональной зоны свободной торговли. И с той, и с другой стороны присутствует отчетливое понимание того объективного фактора, что победа в борьбе за лидерство принесет не только моральное удовлетворение, что также немаловажно, но и окончательно определит соответствующий экономический, а значит, и политический, сюжет дальнейшего развития событий уже на глобальном уровне. Столь высокая «цена вопроса», как полагают в Пекине, делает ключевым и другой фактор: на какой стороне окажется Россия, также стремящаяся занять достойное место в интеграционных процессах Восточноазиатского региона. Дипломатические шаги Российской Федерации в отношении государств Латинской Америки всегда воспринимались в КНР как *«явное и откровенное желание Москвы сконцентрировать свои усилия на формате азиатско-тихоокеанской интеграции с перспективой подвести апогей своих усилий в данном направлении к саммиту АТЭС во Владивостоке, намечавшемуся на 2012 г.»* (перевод мой. — В. Б.). (Terada, 2003: 251). По оценкам некоторых международных экспертов, китайское руководство исключительно серьезно воспринимает подобный негативный для себя «российский фактор» и, видимо, и впредь будет стремиться каким-то образом воспрепятствовать его реализации, в частности за счет поиска некоего «стратегического компромисса» в данном вопросе, обсуждая его в контактах на высшем уровне с президентом США Бараком Обамой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Титаренко, М. А. (2003) Россия. Безопасность через сотрудничество. Восточноазиатский вектор. М. : Памятники исторической мысли. 405 с.
- Antkiewicz, A., Whalley, J. (2004) China's New Regional Trade Agreement. Cambridge, MA : The National Bureau of Economic Research Publishers. [34] p.
- Atal, S. (2003) An Emerging Threat. Policy Analysis Report. No. 472. Tokyo : Cato Institute. 84 p.
- Chu, R. (2006) Asia-Pacific Free Trade Agreements // Business Times. November 30. Singapore. P. 3–7.
- Frost, E. L. (2007) Promise or Threat? China's Commercial Diplomacy in Action. Pittsburgh, PA : University of Pittsburgh Press. 132 p.
- Fukushima, A. (2006) Japan's Perspective on East Asian Regionalism. Washington, D. C., Center for Strategic and International Studies. 243 p.
- Gordon, B. K. (2006) Perspectives on East Asian Economic Integration // Journal of Economic Development. No. 2. P. 145–152.
- Henning, R. C. (2002) East Asian Financial Cooperation. Washington, D.C. : Peterson Institute for International Economics. 154 p.
- Joint Report and Policy Recommendations Concerning a Free Trade Agreement among China, Japan and Korea (2006) : Trilateral Joint Research conducted by Development Research Center

(China), National Institute for Research Advancement (Japan), Korea Institute for International Economic Policy (Korea) [Электронный ресурс] // National Institute for Research Advancement. URL: http://nira.or.jp/past/newse/paper/joint6/houko_E.pdf [архивировано в WebCite] (дата обращения: 24.11.2014).

Lardy, N. R. (2006) *The Economic Architecture of China in Southeast and Central Asia*. Washington, D. C. : Peterson Institute for International Economics. 86 p.

Lincoln, E. (2004) *East Asian Economic Regionalism*. N. Y. : Council on Foreign Relations ; Washington, D. C. : Brookings Institution Press. vii, 292 p.

Qing, Y. (2006) *Prospects for East Asia Community* // *The Trilateral Commission Report*. Tokyo : Waseda University Press. 98 p. P. 19–25.

Robertson, J. (2005) *ASEAN Plus Three: Toward the World's Largest Free Trade Agreement?* // *Commonwealth of Australia*. No. 3. P. 17–25.

Scollay, R., Gilbert, J. P. (2001) *New Regional Trading Agreements in the Asia Pacific?* // Washington, D. C. : Peterson Institute for International Economics. 194 p. (Policy Analyses in International Economics. No. 63.)

Sheng, B. (2007) *The Political Economy of an Asia Pacific Free Trade Area: A China Perspective* // *An APEC Trade Agenda? The Political Economy of a Free Trade Area of the Asia Pacific*. Singapore, Institute of Southeast Asian Studies. 256 p. P. 53–70.

Suzuki, S. (2007) *East Asia Integration: what about USA?* // *The Financial Arena*. Taiwan. No. 6. December 10. P. 12–16.

Tanaka, A. (2006) *Prospects for East Asia Community* // *Challenges to Trilateral Cooperation : The Trilateral Commission Tokyo Plenary Meeting 2006*. Washington, D.C. : Trilateral Commission. 105 p. P. 49–68.

Terada, T. (2003) *Constructing an 'East Asian' Concept and Growing Regional Identity: From EAEC to ASEAN+3* // *The Pacific Review*. Vol. 16. No. 2. P. 251–277.

Trumen, E. M. (2006) *Reforming the IMF for the 21st Century*. Washington, D.C., Institute for International Economics. 559 p.

Wu, R. (2000) *Taiwan Banking Update*. Taipei : USB Warburg Securities Ltd., Taiwan Branch. 120 p.

Wu, X. (2006) *East Asia: Building a Community in the 21st Century: A Chinese Perspective* : CSIS Working Paper. Washington, D.C. : Center for Strategic and International Studies.

Дата поступления: 30.04.2014 г.

CHINA'S LEADERSHIP IN EAST ASIA: THE WAY TO REGIONAL INTEGRATION

V. I. BALAKIN

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

The factor of China is beginning to exert a stronger influence on the vital functions of the international community. Since the start of the 21st century, China has for the first time in its history become a certain stabilizer and even a powerful system integrator for the whole East Asian economy.

Notwithstanding the serious difficulties of the 1997/98 Asian financial crisis, China has not lost any of its investor attractiveness and laid a serious claim for the role of regional leader. It was this process that slowly but firmly set East Asia on the way to a deeper economic integration. This geopolitical approach of Chinese state has undoubtedly improved confidence between economic subjects both in the internal Chinese market and in the international trade in general. It allowed China to accept a special regional role, namely that of a 'system controller' over the one of the most rapidly developing regions of the contemporary world. The current agenda already features the issue of establishing an official and independent organ which will exercise full control over the financial situation on the East Asian market.

The experts have also noted China's explicit unwillingness to miss out on the process of East Asian regional integration as a whole. China is very worried by the Japanese government's commitment to restoring the military power of their state. China's hostile attitude to Japan's leading role in East Asian

integration has stemmed from the evaluation of the regional security principles and of the future global political institutions from the standpoint of national interest. Analyzing the competition between several integration formats gives a distinct understanding that the victory in the struggle for regional leadership could bring not only moral satisfaction, but finally outline the geopolitical plot of further development and take it to up to the global level.

Keywords: China, East Asian economy, Asian financial crisis, USA, Japan, regional integration, Asia-Pacific region.

REFERENCES

Titarenko, M. L. (2003) *Rossia. Bezopasnost' cherez sotrudnichestvo. Vostochnoaziatskii vektor* [Security through Cooperation. East Asian Vector]. Moscow, Pamiatniki istoricheskoi mysli Publ. 405 p. (In Russ.).

Antkiewicz, A. and Whalley, J. (2004) *China's New Regional Trade Agreement*. Cambridge, MA, National Bureau of Economic Research Publishers. [34] p.

Atal, S. (2003) *An Emerging Threat. Policy Analysis Report. No. 472*. Tokyo, Cato Institute. 84 p.

Chu, R. (2006) Asia-Pacific Free Trade Agreements. *Business Times*, Singapore, November 30, pp. 3–7.

Frost, E. L. (2007) *Promise or Threat? China's Commercial Diplomacy in Action*. Pittsburgh, PA, University of Pittsburgh Press. 132 p.

Fukushima, A. (2006) *Japan's Perspective on East Asian Regionalism*. Washington, D.C., Center for Strategic and International Studies. 243 p.

Gordon, B. K. (2006) Perspectives on East Asian Economic Integration. *Journal of Economic Development*, no. 2, pp. 145–152.

Henning, R. C. (2002) *East Asian Financial Cooperation*. Washington, D.C., Peterson Institute for International Economics. 154 p.

Joint Report and Policy Recommendations Concerning a Free Trade Agreement among China, Japan and Korea (2006) : Trilateral Joint Research conducted by Development Research Center (China), National Institute for Research Advancement (Japan), Korea Institute for International Economic Policy (Korea). National Institute for Research Advancement [online] Available at: http://nira.or.jp/past/newse/paper/joint6/houko_E.pdf [archived in WebCite] (дата обращения: 24.11.2014).

Lardy, N. R. (2006) *The Economic Architecture of China in Southeast and Central Asia*. Washington, D.C., Peterson Institute for International Economics. 86 p.

Lincoln, E. (2004) *East Asian Economic Regionalism*. New York, Council on Foreign Relations ; Washington, D.C., Brookings Institution Press. vii, 292 p.

Qing, Y. (2006) Prospects for East Asia Community. *The Trilateral Commission Report*. Waseda University Press. 98 p. Pp. 19–25.

Robertson, J. (2005) ASEAN Plus Three: Toward the World's Largest Free Trade Agreement? *Commonwealth of Australia*, no. 3, pp. 17–29.

Scollay, R., Gilbert, J. P. (2001) *New Regional Trading Agreements in the Asia Pacific?* Washington, D.C., Peterson Institute for International Economics. 194 p. (Policy Analyses in International Economics. No. 63.)

Sheng, B. (2007) The Political Economy of an Asia Pacific Free Trade Area: A China Perspective. In: *An APEC Trade Agenda? The Political Economy of a Free Trade Area of the Asia Pacific*. Singapore, Institute of Southeast Asian Studies. 256 p. Pp. 53–70.

Suzuki, S. (2007) East Asia Integration: What about USA? *The Financial Arena*, no. 6, December 10, pp. 12–16.

Tanaka, A. (2006) Prospects for East Asia Community. In: *Challenges to Trilateral Cooperation : The Trilateral Commission Tokyo Plenary Meeting 2006*. Washington, D.C., Trilateral Commission. 105 p. Pp. 49–68.

Terada, T. (2003) Constructing an 'East Asian' Concept and Growing Regional Identity: From EAEC to ASEAN+3. *The Pacific Review*, vol. 16, no. 2, pp. 251–277.

Trumen, E. M. (2006) *Reforming the IMF for the 21st Century*. Washington, D.C., Institute for International Economics. xiii, 559 p.

Wu, R. (2000) *Taiwan Banking Update*. Taipei, USB Warburg Securities Ltd., Taiwan Branch. 120 p.

Wu, X. (2006) *East Asia: Building a Community in the 21st Century: A Chinese Perspective* : CSIS Working Paper. Washington, D.C. : Center for Strategic and International Studies.

Submission date: 30.04.2014.

Балакин Вячеслав Иванович — кандидат юридических наук, доцент кафедры регионоведения факультета международных отношений и туризма Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-55-90. Эл. адрес: viacheslavbalakin@rambler.ru

Balakin Vyacheslav Ivanovich, Candidate of Law, Associate Professor, Department of Regional Studies, Faculty of International Relations and Tourism, Moscow University of Humanities. Postal address: 5 Yunosti Str., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-55-90. E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru